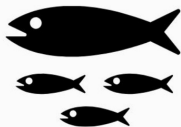

НЕ В СЕБЕ

Апри Старфол

16+

Анри Старфол Не в себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43311050

SelfPub; 2019

Аннотация

История о трех рыбаках, на устоявшееся мировоззрение которых посягнуло таинственное "нечто".

Лес стоял плотными, нестройными рядами и тихо покачивался в такт озорному июльскому ветру, который, как дирижер, ткал свою симфонию среди этих таинственных окрестностей. Его музыка звучала в вековых елях, ронявших со своих поросших мхом лап алмазы недавно прошедшего, вечернего дождя, которые падали хлопками в траву, на дырявые листья лопуха. Елям вторили и всюду растущие осины, дополняя мелодию тихим шипением своих звонких листьев, и редкие, но могучие дубы, о которые отбивали ритм деловитые дятлы. Вот у поваленного бурей, трухлявого ствола дерева, протопал еж, и сам того не ведая, тоже, стал частью этой вечерней композиции. Кукушка вспорхнула с ветки куста и, тревожно прокричав, скрылась посреди лесного изобилия. Все эти тихие и громкие, шипящие и звонкие, протяжные и короткие звуки сливались в единую, причудливую, но умиротворяющую симфонию, которую подхватывал и нес дальше ветер. Но эта импровизация, постепенно заканчиваясь, затихала, и на лес шелковым занавесом опускались сумерки. Силуэты растворялись, сливались и спутывались, водружая на место исчезающей мелодии свое мрачное художественно полотно. Сумерки обволокли лес, и пряные запахи грибов, мха и сырых листьев закружились в новой, оригинальной композиции грядущей ночи, которая вряд ли еще когда-нибудь повторится.

В жестяном котелке над очагом, в кулинарном танце картошки, моркови и лука, булькая и благоухая ароматом, закипала уха. Резиновая лодка, перевернутая навзничь, лежала неподалеку, укрывая от редких капель кое-какие пожитки рыбаков. Трое мужчин сидели на бревне рядом с недавно разведенным костром и, тихо переговариваясь, одновременно вслушивались в новую, ночную мелодию леса. Их лица, подсвеченные сиянием костра, были преисполнены умиротворенной радостью и почти детским озорством в уже не молодых, но умных глазах. Перед рыбаками, за пологим склоном, неторопливо текла река Волга, тихо плюхая своими водами о неразличимый в темноте берег.

Коренастый мужчина наведаясь в палатку, подвинул широкой ладонью новенький радиоприемник "Океан-209" и достал из ближайшего рюкзака бутылку хорошего коньяка. Он прижал бутылку к выдающемуся пузу, разгладил большим пальцем свои пышные усы и нетвердой походкой вернулся к товарищам, которые, пока готовилась уха, налегали на копченую колбасу. Второй рыбак, седой старик с идеально белыми зубами, приветствовал вновь прибывшего товарища радостным хлопком ладоней и тут же протянул ему свою пустую жестяную чашку. Под пристальным взглядом третьего мужчины, которому этот процесс, казалось, доставлял физический дискомфорт, коньяк зажурчал, разливаясь по посуде. Рыбак с пышными усами заметил настроение товарища и ехидно захихикал. Он положил крупную, лохматую руку к

нему на плечо и ободряюще его потряс:

– Да, Сашка. Не сознательный ты человек. Докторскую защитил, а пить бросил. Обмываем степень без тебя. Знаешь, это есть особая форма мазохизма. Чтобы такое выкинуть – особый характер надо иметь.

– Как говорил еще мой научный руководитель: «Кто не пьет в компании, тот либо сволочь, либо стукач!» – включился в разговор старик с белыми зубами. – Так что давай, Александр Васильевич, не отрывайся от коллектива! Нехорошо это! Совсем не хорошо!

– Ну нельзя мне, мужики! Нельзя! – Александр протер рукой длинное, худое лицо и залпом допил сок из чашки. – Язва у меня! Надюша, если узнает за такую шалость, то устроит мне врага народа по первое число!

– Да, жена у него не женщина, а линкор. Что не снаряд, то все в цель укладывает, – мужчина с усами зычно выдохнул и снова налил себе коньяку. – Вон ишь какую плешь ему прожгла!

Александр увернулся от лохматой ладони, которая пыталась потрогать его лысину, и под хохот нетрезвых товарищей снова хлопнул сока. Мужчина с пышными усами зачерпнул половником готовую уху и, на удивление, аккуратно разлил ее по глубоким тарелкам. Все трое на минуту замолчали, вдыхая аромат сваренной, недавно пойманной ими рыбы.

– Хорошо, – почти пропел обладатель пышных усов и шумно отхлебнул наваристого бульона, – настоящая сказ-

ка...

– Лиричная ты все-таки натура, Женька, – сказал Александр.

– Нет. Ну это же совсем другое дело. Это тебе не на чьем-нибудь выступлении в затхлом зальчике с важным видом зевать, – Евгений широким взмахом лохматой руки окинул лес, – Здесь можно быть собой. Для души...

– Лучше сказать, что для психологического здоровья, – едко заметил старик с белыми зубами. – Душа не более чем абстрактный, растиражированный загнивающим западом концепт. Сомнительная и непознаваемая категория. А от математика подобное слышать вдвойне неприятнее...

– Да это выражение такое: «для души», – стал оправдываться Евгений, – не придирайся к формулировкам! Я перед тобой тут не научный доклад читаю!

– Если бы ты мне за подобную философию научный доклад по истории читал, я бы тебе по первое число всыпал. Не люблю, когда к науке разношерстную лирику приплетают. Нехорошо это! Совсем не хорошо!

– Да ладно тебе, Слава, – Александр закурил и выдохнул в ночь белый дым, – не про то Евгений Викторович говорил. У него душа на природе радуется, а ты ему сомнительную дискуссию пытаешься впарить...

– Ага! – Слава ударил ложкой по своей тарелке, словно в гонг, – значит, душа радуется? Ну, ну! Всегда знал, что вы оба тяготеете к подобной ерунде! А еще доктора наук!

Серьезные люди! Нехорошо!

– Славе только дай волю про экзистенциализм подискутировать, – Евгений вытер руки и достал из чехла гитару, – кого угодно изведет. Хрыч идейный.

– А ты думаешь, я не помню, что кое-кто из вас по молодости Бердяевым и Франком зачитывался? Втридорога их сомнительные труды из-под полы покупал? Переводил с французского? А, Сашка?

– Ой, Слава, – Александр мигнул огоньком тлеющей папиросы, – Это было так давно. Ты бы мне еще того рогатого зайца припомнил...

– Кого? – Евгений перестал брнчать на гитаре.

– Да он еще в студенческие годы к лабораторному зайцу рога от барана приделал и выпустил его в женское общежитие. Визгу тогда было! Я в тот год уже аспирантуру заканчивал...

– Прямо анекдот! – рассмеялся Евгений.

– Мы, тоже, словно внутри анекдота, – усмехнулся Александр. – Сами послушайте: «Собрались как-то раз доктор математических, доктор биологических и доктор исторических наук на рыбалку...».

Мужчины хохотнули и замолчали, вслушиваясь, как где-то неподалеку, в темноте, кружит и тревожно кричит сова. Длинные тени рыбаков дрожали и подпрыгивали в свете костра, который разгонял лесной мрак. Огонь тихо потрескивал и, даря тепло, выбрасывал в дрожащий над собой воздух

оранжевые искры. Где-то в реке подпрыгнула и с громким хлопком ударилась о чернильную водную гладь крупная рыба.

– Да, лирика все это, – Слава устало потянулся и нетвердой рукой налил себе коньяку. – Боги, пришельцы, разные монстры. Ха! Фольклор одним словом!

– Фантастика, – Евгений снова тихо забренчал на гитаре, – правда, Сашка?

– Конечно, мы с вами взрослые люди и точно знаем, как оно на самом деле...

Лес неожиданно затих, и даже вода в реке, казалось, застыла, словно скованная льдом. Ни звука, ни шороха, только тихий треск костра посреди обволакивающей пространство, вязкой и зловещей тишины. Вдруг, из реки перед рыбаками с тихим гудением вынырнул плоский, сферический объект. Мерцающая танцующими огнями на своем сером корпусе, он завис в метре над водной гладью, в которую с него каскадом спадала вода.

Гитара упала рядом с костром, по земле покатались чашки. Трое рыбаков сидели на бревне и смотрели на нечто неизведанное перед ними с трепетным, первобытным ужасом в глазах. Александр, чуть собравшись с мыслями, быстро заморгал, желая поскорее прогнать это видение, но оно никак не хотело исчезать, продолжая тихо парить над рекой. Евгений издал какой-то непонятный, то ли стон, то ли рык и, посмотрев на полупустую бутылку коньяка рядом с ним, за-

тих. Слава, напоминая манекен, сидел неподвижно, но веко его левого глаза предательски задергалось, и он, не в силах больше смотреть, закрыл лицо ладонями. Серый объект закрутился на месте и загудел. Огни на его корпусе освещали разными оттенками серые, недвижимые силуэты рыбаков на берегу. Саркастично радужные, пестрые всполохи казались такими неуместными в густом ореоле страха, сковавшем в эту минуту берег. Незванный гость издал тихий писк, и подняв двухметровые волны, умчался прочь. На лету он становился прозрачным, словно издевался над очевидцами, словно намекал на то, что он, действительно, какой-нибудь, злой мираж. Лес снова зашумел, и совсем рядом раздались шорохи, где-то позади громко и зловеще прокричала сова. Трое рыбаков на берегу реки тревожно переглянулись.

– Вы, тоже это видели? – Александр почувствовал, как у него начинают трястись ноги. – Пожалуйста, скажите мне, что вы, тоже, это видели...

Слава с обреченным видом поднялся и молча, нетвердой походкой ушел в палатку. Евгений смотрел на полупустую бутылку перед собой и чуть причмокивал губами. Его лицо приобрело наигранно веселое выражение, и он, как смог, расхохотался. До того наигранно и фальшиво, что ему не поверил бы даже маленький ребенок:

– Что-то я сегодня перебрал, – Евгений устало поднялся с бревна. – Пора и честь знать. Завтра еще собираться в обратный путь, дел много, да...

– Женька, – Александр вскочил и преградил ему путь. – Скажи, что тоже видел эту хрень! Я должен это от тебя услышать! Скажи, что тоже ее видел!

– Да мало ли, что может привидеться под градусом? – Евгений отрешенно похлопал товарища по плечу. – Да правильно ты сделал, что пить бросил, Сашка. Правильно ты сделал...

Евгений скрылся в палатке, оставив Александра одного. Мужчина какое-то время растерянно оглядывался вокруг, словно видел это место впервые в жизни, а после тоже ушел в палатку. Там, в спальных мешках, спина к спине лежали его друзья. Мужчина забрался в свой мешок и застегнул его на молнию. В гнетущей тишине палатки всем троим было ясно, что никто из них сейчас не спит, да и вряд ли заснет этой ночью. Но молчания до утра никто так и не нарушил.

Александр сидел за рулем черной волги и хмуро гнал ее по дорожной ленте, петляющей между двумя стенами елового леса. Рядом с ним, на переднем сиденье, сидел Евгений. Уперев свой увесистый кулак в подбородок, он отрешенно смотрел в окно, за которым проносился зеленый масив. Слава расположился на заднем сиденье, придерживая рюкзаки и обилие пакетов. За его спиной, в багажнике, покачивая грузилами, торчали три удочки. С прошедшей ночи никто из них так и не решился заговорить о таинственном

происшествии, отдавая предпочтение сборам в обратную дорогу и сопутствующей им суете. Александр неожиданно сбавил скорость и, с визгом колес, припарковался на грунтовой обочине. Пока товарищи непонимающе уставились на него, мужчина заглушил двигатель и погрузился в собственные, мрачные мысли.

– Сашка, тебе плохо? – Евгений положил ладонь на плечо товарищу.

– Мы не можем это оставить вот так! – Александр ударил руками по рулю. – Нам просто необходимо это обсудить!

– Что обсудить? – дрожащим голосом спросил Слава.

– То, что вчера, как снег посреди лета, свалилось нам на головы!

– Я ничего такого не видел! – протараторил Слава так, словно стал соучастником преступления. – Совсем ничего! Разве что наш, советский самолет мог пролететь над лесом!

– Я себя-то вчера не помню, – нервно хихикнул Евгений, – чего уж там о событиях говорить. А что, случилось что-то плохое, Сашка?

Александр поочередно смотрел на товарищей, наблюдая, как они стыдливо отводят глаза. Мужчину разобрала злость и он, хлопнув дверью, вышел из машины и быстро пошел вдоль дороги. За ним вышел Евгений, растерянно развел руки в стороны и принялся догонять водителя. Весь оставшийся путь до Москвы никто из них так и не проронил ни слова.

Александр так ворочался в постели, что ненароком разбудил свою жену. Она испуганно охнула, рефлекторно поправила на голове композицию из бигуди и повернулась к мужу. Щелчок прикроватного торшера выхватил из карамельного полумрака ее недовольное, пухлое личико. Доктор наук так был погружен в свои тревожные мысли, что дернулся от вспыхнувшего в спальне света. Надюша успокаивающе потрепала его за ухо и, облокотившись локотком на свою подушку, устроилась поудобнее для серьезного разговора.

– Саша, – фальцетом пропела женщина, – это совсем никуда не годится. Долго ты будешь меня изводить своим полуночным шуршанием? Ты не хомяк, а наша опочивальня не закрома. Я знала, что это ваше «выездное мероприятие» добром не кончится. Ты вернулся с этой бесполезной рыбалки сам не свой!

– Бусинка, я уже говорил, что мучаюсь мигренями...

– Это был последний раз, когда я дала слабину. Все, больше никаких «выездных мероприятий» в лесу. Немощный ты мой, ну нельзя тебе давать поблажки, нельзя! Ты человек мягкий, и всякого рода кадры оказывают на тебя пагубное влияние...

– Да не пил я, Бусинка! Не пил! И голова у меня не с похмелья болит!

– Ну, ну, немощный ты мой, – женщина прижала голову мужа к своей обширной груди, – Не надо спорить. Все равно все будет так, как я скажу. А почему все будет так, как я

скажу?

– Потому что моей Бусинке виднее...

Надюша поощрительно потрепала мужа за ухо и широко зевнула. Александр лежал на ее груди и меланхолично смотрел в сторону стенки-гарнитура, на котором расположились памятные ему сувениры из разных экспедиций.

– Бусинка, – Александр запнулся, – ты никогда не думала, что в этом мире существует нечто за гранью человеческого понимания? Что-то такое, что не вписывается в привычную нам картину мира?

– Ох, Саша. Если сейчас ночь, то это не значит, что нам дозволено опускаться до пошлых разговоров. И ты напрасно увидел в нашей опочивальне философский кружок.

– Но может же быть что-то такое...

– Там, *наверху*, виднее, что может быть, а чего нет, – женщина многозначительно воздела палец к потолку. – И подобных разговоров со мной больше не заводи.

– А как бы ты отреагировала, если кто-нибудь из твоих хороших друзей сказал, что видел, скажем, нечто неизведанное, нечто сверхъестественное?

– У меня, к счастью, нет таких «темных» друзей. Саша, мы с тобой весьма образованные люди и знаем, что подобной чепухи быть не может. А если бы какой-нибудь кадр стал со мной говорить за подобный вздор, то я рассмеялась бы ему прямо в лицо. Такие персонажи опасны для общества. Своим невежеством, они тормозят общественный прогресс...

Помрачневший Александр сполз с груди жены на свою подушку и, отвернувшись, укрылся краем одеяла. Жена в третий раз потрепала его за ухо и выключила в спальне свет. Доктор наук лежал и слушал, как за окном ветками деревьев и гудением далеких автомобилей тихо шумит когда-то понятный и знакомый ему мир.

Психиатр сидел за своим столом и под пристальным взглядом мудрых вождей, вззирающих с обшарпанной стены, занимался бумажной работой. Дверь кабинета тихонько скрипнула, и на пороге появился Александр Васильевич Фомин. Доктор наук испуганно огляделся, нервно кашлянул в кулак и на подкашивающихся ногах пошел по звонкому, серому кафелю.

– А, Алесандр Василевись! – прошепелявил психиатр. – Осень рад! Садитесь!

– Да, добрый день, – Александр принялся крутить в руках шляпу. – Вам должны были позвонить на счет меня...

– Да, да. Я помню. Дело осень деликатного толка, – психиатр захлопнул белую папку и, хихикнув, убрал ее в стол, – да вы не стесняйтесь и садитесь.

Александр присел на самый край стула, продолжая крутить в руках свою шляпу. Его внимание привлек общипанный фикус, стоящий на столе. Психиатр через круглую оправу своих очков проследил за взглядом посетителя и снова, странно хихикнув, принялся теревить рукой листья этого

растения.

– Ну-с, на сто жалуетесь? – психиатр оторвал листок от фикуса и принялся мять его в руках. – Сто вас беспокоит, голубсик?

– Доктор, я думаю у меня проблемы с головой...

– Так-так. И с сего вы это взяли?

– У меня случилась галлюцинация...

– Расскажите поподробнее, – хихикнул психиатр.

– Я отправился с двумя товарищами на рыбалку, – Александр тяжело выдохнул и болезненно поморщился, – костерок, уха, гитара, в общем, все было хорошо. Но ночью, над рекой мне привиделась, как бы это лучше сказать, космическая тарелка...

– Выпивали? – с завистью в голосе спросил психиатр.

– Да в том то и дело, что я капли в рот не брал! – Александр вскочил со стула и страдальчески заломил руки за голову. – Я был абсолютно трезв! Как стеклышко! И тут передо мной возникает то, чего попросту быть не может!

– Пожалуйста, успокойтесь.

– Я не сплю уже несколько ночей, доктор! Я так устал! Я двадцать пять лет просвещал, благодаря науке, недалеких людей! Помогал им избавиться от суеверий и прочих пережитков старины! И тут, на тебе! Я вижу космическую тарелку! Вымысел! Пошлую картинку из фантастического фильма!

– Не беспокойтесь, голубсик, – психиатр оторвал от фи-

куса еще один листок. – Возможно, из-за переутомления вам и могло привидеться несто странное. Скажем, в бликах или тенях над водой.

– Это не было бликом или тенью! – Александр уперся ладонями в стол. – Я видел светящийся, металлический объект! Он вынырнул из воды, завис на несколько секунд и, мерцая своими адскими огнями, умчался прочь! Вы понимаете? Блики и тени тут не при чем!

– А сто же ваши товарищи?

– Они ничего такого не видели, – Александр плюхнулся на стул. – По крайней мере, они мне так сказали...

– Так-с, а грибы, ягоды ели в лесу?

– Нет, доктор. Я просто психически болен. Лечите меня, пока не поздно.

– Осень интересно, – психиатр скомкал очередной листок фикуса и положил его рядом с другими зелеными комочками. – Уже и диагноз себе поставили?

– Не смейтесь, доктор! Я знаю, что шизофрения полностью не лечится! Как мне с этим жить? Я уважаемый человек, научный сотрудник! На мне лаборатория и аспиранты! А тут такое! Скорее лечите меня! И чем быстрее, тем лучше!

– Обследование мы, конесно проведем, – психиатр снова хихикнул, – но на будущее, все же, не увлекайтесь спиртным на отдыхе, голубсик...

– Да я не пил! Это все – мое болезненное подсознание!

– Да, да. Конесно. Ладно, давайте приступим. Вместе мы

постараемся поймать все космические тарелки вашего болезненного подсознания...

Александр сидел на стуле в коридоре и слушал, как за дверью кабинета психиатр советуется со своим коллегой о дальнейшей судьбе доктора наук. По коридору деловито прошла уборщица и зычным, командорским тоном приказала ему задрать ноги. За вытянутыми окнами отделения психиатрии, в ветвях цветущих каштанов, умиротворяюще пели птицы и плыл тихий, летний вечер. Снизу донеслись протестующие вопли, сдавливаемые этими высокими, блеклыми стенами, и Александр болезненно поморщился. За дверью кабинета послышались шаги, и выглянувший в коридор психиатр жестом пригласил Александра войти. Выражение их лиц доктору наук сразу не понравилось. Психиатры смотрели на него снисходительно и с иронией, многозначительно переглядываясь между собой.

– Садитесь, голубсик, – психиатр принялся перебирать листы с записями у себя на столе. – Посоветовавшись с коллегой, я пришел к заключению, что ваше психическое здоровье не вызывает никаких опасений. За исключением, некоторой, повышенной эмоциональной возбужденности и мнительности...

– Что вы хотите этим сказать, доктор? – Александр вскочил со стула.

– Вы абсолютно здоровы.

– Это ложь! Я видел галлюцинацию! Я безумен! Почему

вы не хотите лечить меня? Я видел летающую тарелку! Такого не может быть! Вы слышите? Такого просто не может быть в природе!

– Пожалуйста, успокойтесь, – психиатр нажал на красную кнопку у себя под столом. – Не нужно так нервничать...

– Вы обманываете меня! – Александр сбросил со стола психиатра стопку белых папок и общипанный фикус в горшке. – Вы просто боитесь братья за мой случай! Вы просто боитесь!

В кабинет вбежали двое санитаров и уставились на собравшихся людей.

– Ребятки, помогите голубсику найти выход, – психиатр поднял с пола горшок с общипанным фикусом, – а то после него ремонт придется делать.

Санитары схватили брыкающегося доктора наук и умело потащили вон из кабинета. Слетевшая с головы Александра шляпа, закатилась за шкаф, а ботинки мужчины отбивали по кафелю звонкую чечетку.

– Шарлатаны, вы все шарлатаны! – кричал доктор наук, стараясь вырваться из цепких рук санитаров.

– На рыбалке закусывать надо! – крикнул психиатр, стоящий в обнимку с фикусом в дверном проеме кабинета. – Турист!

Неожиданно Александр обмяк в держащих его руках и беспомощно на них повис. К мужчине тут же подбежали двое психиатров и склонились над ним.

– Обморок, – хихикнул психиатр с фикусом. – Несите ка его в палату, ребятки.

Доктор наук пришел в себя в палате. Он оглядел свою пижаму, протертое постельное белье и умиротворенно устался на потрескавшуюся раму окна, за которой зловеще поблескивали решетки. В воздухе витал запах медицинского спирта, а от пола поднимался едкий дух хлорки, которой недавно вымыли полы.

– Они меня вылечат, – блаженно промурлыкал доктор наук. – Они меня обязательно вылечат, и все снова будет хорошо. Я снова стану нормальным человеком. Уже скоро. Уже совсем скоро, они меня вылечат...

Для обложки книги использовано изображение «Не в себе». Правообладатель: Canva. Адрес сайта: <https://www.canva.com/>. Тип лицензии: многоразовое, бесплатное использование.